

В этот миг Чанькунь Чжуоюй двинулся.

Он почувствовал, как дикая энергия бушует в теле Ли Синлуна, и одним движением сознания всосал её внутрь себя, как будто выключил кран перед разливом потока, давая Ли Синлуню краткую передышку - мгновение покоя среди хаоса. Затем он резко развернулся, прижал свои ладони к ладоням Ли Синлуна, установив прямой канал между их телами, и начал использовать тот же самый метод, которым только что пытался руководить ученик, направляя энергию через его меридианы, но теперь не как ученик, а как мастер, как проводник, как тот, кто знает пути истинной силы на уровне инстинкта.

Это было словно внезапное появление старшего мастера, который, не говоря ни слова, вкладывает свою мощь в тело младшего, поддерживая его, удерживая от падения, давая ему шанс выстоять. Ли Синлунь мгновенно воспользовался возможностью. Не теряя ни мгновения, он активировал технику медитации семьи Ли, начав преобразовывать энергию в собственную истинную субстанцию, следуя древним канонам, которые передавались из поколения в поколение, как священные обеты.

Обычно, когда Ли Синлунь культивировал, процесс был медленным, как капли воды, стекающие по камню: он должен был долгое время настраиваться на ритм неба и земли, мягко приглашать энергию, убеждать её войти, как путника в дом, и лишь потом, с огромными усилиями, превращать её в ци. Техника семьи Ли была чистой, праведной, но ограниченной, количество поглощаемой энергии было невелико и прогресс шёл очень медленно. Даже для него, считающегося в своём клане гением, достижение уровня Формирования Основы к двадцати годам стало результатом бесконечных лишений, закрытых тренировок и почти фанатичной преданности пути.

Но сейчас всё было иначе. Энергию не нужно было вымалывать, её просто взяли, не спрашивая разрешения. Чанькунь Чжуоюй насильно вырвал её из мира, собрал в единый поток, как реку, перегороженную плотиной, и направил прямо в тело Ли Синлуна, контролируя скорость, давление, глубину, так, чтобы каждый импульс проходил без сопротивления, чтобы не было пробок, не было разрывов, чтобы энергия текла, как кровь по жилам.

Хотя уровень Ли Синлуна оставался низким, за время заточения в Долине Разбитых Душ его понимание Порядка Небес углубилось до такой степени, что его духовная основа уже давно могла выдержать переход на уровень Зарождения Души. А теперь, когда Чанькунь Чжуоюй держал этот поток в своих руках, как дирижёр оркестром, он мог культивировать без остановки, без барьеров, без страха переполнения. Его тело, душа, разум - всё слилось в единую систему, готовую принять то, что раньше казалось недостижимым.

Ли Синлунь быстро погрузился в состояние глубокой медитации, и начался процесс, который продлился более месяца.

Во время культивации время теряет смысл. Для практикующего, погружённого в Дао, день может быть вечностью, а десятилетие - мгновением. Мир вокруг меняется: города рушатся, горы оседают, поколения сменяют друг друга, а культиватор, запертый в своей комнате, даже не замечает, как серебро в волосах заменяет черноту юности. Когда Ли Синлунь впервые

проходил рубеж Формирования Основы, он заперся в пещере на целый год, и лишь тогда, едва живой, с разрушенными меридианами и выжженной душой, сумел преодолеть порог.

И теперь, чувствуя этот непрерывный поток, он решил, что раз уж судьба даёт такой шанс, нужно культивировать как можно дольше.

Но сам мир не позволил ему идти дальше.

Долина Разбитых Душ не была священной горой, наполненной густыми жилами энергии. Здесь ци была слабой, истощённой, как вода в высохшем колодце. А теперь, после того как Чанькунь Чжуоюй разграбил её с такой жадностью, как демон, опустошающий храм, окружающая территория на десятки ли превратилась в мёртвую землю. Трава пожелтела и рассыпалась в пыль, деревья стояли голыми, будто оголённые скелеты, корни их были высосаны, почва - выжжена. Годы пройдут, прежде чем местные жилы снова наполнят эту землю жизнью, прежде чем здесь снова зашумит лист, зацветёт цветок.

К счастью, в радиусе ста ли не было ни одного поселения. Иначе такое опустошение стало бы тяжёлым кармическим грехом: люди болели бы, дети рождались слабыми, урожаи гибли, духи местности уходили бы в изгнание. В мире культивации такие поступки считались преступлением против самой жизни.

— К счастью... к счастью, — пробормотал Чанькунь Чжуоюй, открыв глаза и оглядев пустыню вокруг, — мы культивировали в месте, где никто не живёт. А если бы повлияли на обычных людей... Разве это не загнало бы меня на демонический путь? Такой долг крови и страданий...

Ли Синлунь смотрел на него, не в силах произнести ни слова. Он ещё не успел проверить, насколько выросла его культивация, как услышал эти слова и сердце его сжалось от бессильной ярости.

— Учитель, — спросил он, указывая на мёртвые деревья, — а вам не кажется, что ваш способ поглощения энергии немного... слишком быстрый?

— Я никогда не видел, как культивируют другие, — задумчиво ответил Чанькунь Чжуоюй. — Но теперь, когда ты сказал... действительно, разве нормальный праведный мастер оставляет после себя такую пустыню?

Он замолчал, потом вдруг широко распахнул глаза:

— Неужели... я на самом деле демонический культиватор?

— Судя по методу... очень вероятно, — медленно произнёс Ли Синлунь, всё ещё не веря в происходящее. Как может быть демоном этот человек, который боится обидеть муравья, который рвёт одежду, чтобы сделать колпак из тумана, который мечтает о том, как его

встретят слезами верные последователи? Но способ, которым он поглощал энергию, выходил за рамки самого понятия «демонического». Это было не просто использование силы - это было подчинение. Ци не входила в него - она поклонялась ему. Даже самые могущественные мастера демонического пути не могли достичь такого абсолютного контроля. Только великий повелитель, чья душа окрашена в кровь тысяч, чей клинок рассекал небеса, мог вызывать такой страх в самой материи мира.

Вспомнив ту ночь в долине, когда Чанькунь Чжуоюй, стоя с деревянным мечом, наполнил воздух убийственной аурой, когда каждое его движение оставляло след, как будто рассекало реальность, Ли Синлунь не мог не прийти к выводу, что перед ним стоит не просто демонический культиватор. Перед ним - один из великих демонических повелителей, чьё имя должно было греметь в легендах, пока сами горы не забыли своё название.

Осознание этого наполнило его странным чувством, но не страхом, не ненавистью, а смесью тревоги, уважения и странной, почти тёплой печали. Тот, кого он считал глупцом, был, возможно, самым опасным существом в этом мире.

— Тогда... — вдруг тихо спросил Чанькунь Чжуоюй, и вся его прежняя самоуверенность исчезла, — помогая мне культивировать... я ведь не заставил тебя тоже впасть на демонический путь?

Он смотрел на Ли Синлуна, как ребёнок, который случайно сломал храмовый колокол, ожидая наказания, боясь, что испортил что-то священное.

И в этот момент, увидев это выражение лица, Ли Синлунь почувствовал, как внутри что-то сдвигается. Да, возможно, этот человек когда-то был повелителем тьмы, возможно, его руки по локоть в крови, возможно, он падал в пропасть демонической культивации во времена, о которых никто не помнит. Но тот, кого он знает сейчас ... тот, кто делает колпак из тумана, кто беспокоится о муравьях, кто хочет, чтобы его ученик стал сильнее, - этот Чанькунь Чжуоюй другой. Не важно, праведный он или демон. Важно только то, что он рядом. И что, несмотря на весь свой безумный блеск, он всё ещё способен на простую человеческую заботу.

— Нет, — мягко ответил Ли Синлунь, успокаивая его. — Я не знаю, какой на самом деле у тебя путь, но когда ты помогал мне культивировать, ты использовал мою технику медитации, словно читал мои мысли. Энергия, которую ты поглотил, прошла через тебя без переработки, как по чистому каналу, и была передана мне в первозданном виде, и значит, я не подвергся никакому воздействию. Наоборот... вся карма от этого насильственного захвата неба и земли ляжет на тебя.

— А, — выдохнул Чанькунь Чжуоюй, и его плечи расслабились, будто с них свалился невидимый груз; он снова улыбнулся, вернувшись к своей обычной уверенности, — такая мелкая карма? Как она может меня тревожить? Главное, что с тобой всё в порядке.

Эта простая забота, лишённая пафоса, согрела сердце Ли Синлуна. Он почувствовал, как внутри него что-то разливается редкая и глубокая признательность.

— Руководство Учителя поистине удивительно, — сказал он, глядя прямо перед собой. — Этот ученик уже продвинулся с раннего этапа Формирования Основы прямо до позднего уровня.

Такая скорость была немыслимой. Даже самым одарённым прямым ученикам великих сект требовалось не менее десяти лет, чтобы пройти этот путь. Демонические культиваторы двигались быстрее, но даже легендарный лидер демонической секты две тысячи лет назад достиг этого рубежа лишь спустя пять лет. По скорости Ли Синлунь теперь стоял выше всех, кого помнила история культивации, как будто сам Дао расступилось перед ним.

— Мой ученик великолепен! — воскликнул Чанькунь Чжуоюй, радостно поднимая большой палец. Хотя он мало что помнил о мире культивации, основы понимал: такой прогресс был невозможен для любого человека, если только он не получил благословение небес или не стал сосудом древнего духа.

— Всё благодаря мастерству Учителя, — ответил Ли Синлунь, зная, что Чанькунь Чжуоюй обожает похвалу, и потому говоря совершенно искренне. — Вы поистине поразительны. Я всего лишь начал втягивать ци, а вы мгновенно поняли путь моей истинной энергии, её циркуляцию и ритм. Если бы вы не направили энергию тем же методом, мой внутренний механизм мог бы отторгнуть поток, и я получил бы серьёзные повреждения. Только благодаря вашему совершенству я смог достичь такого скачка.

— Конечно! — торжествующе заявил Чанькунь Чжуоюй, и хотя никто его не хвалил, он принял комплимент с видом императора, принимающего дань. — Принять меня в учителя - это твой самый правильный выбор в жизни! Но... — осторожно добавил он, — при таком стремительном росте, не пошатнётся ли состояние разума?

— Нет, — уверенно ответил он. — Моё внутреннее состояние давно готово к переходу на уровень Зачатия Души. Годы одиночества, бедствие семьи, заточение в долине — всё это закалило мою душу. Я не боюсь потерять себя.

— Отлично! — сразу же провозгласил Чанькунь Чжуоюй. — Как только найдём подходящее место, уйдём в уединение на год-два, и ты прорвёшься к Зарождению Души. Пусть весь мир культивации узнает, что не только я - великий мастер, но и мои ученики растут быстрее, чем кто-либо ещё!

Услышав это, Ли Синлунь впервые за долгое время по-настоящему улыбнулся. — Разумеется.

Они продолжали обмениваться взаимными похвалами, пока Ли Синлунь вдруг не осознал, что он говорит уже точно как Чанькунь Чжуоюй - с той же самоуверенностью, с тем же напускным пафосом, с той же уверенностью в собственной исключительности. И тогда он понял по-настоящему, насколько страшен этот человек: он не просто силён. Он заражает других своим безумием. Даже он, Ли Синлунь, со всей своей холодной расчётливостью, начал гордиться, как последний фанатик.

— Э-э-эм, — быстро прочистил он горло, возвращая себе трезвость. — Раз Учитель освоил

циркуляцию истинной энергии, нам стоит поторопиться в Мяоцзян.

Чанькунь Чжуоюй всегда слушался Ли Синлуна, хотя что-то в этом казалось странным, будто он позволял тому вести себя лишь из любезности, как бог позволяет муравью считать себя путеводителем. Он положил руку на пояс Ли Синлуна, и они взмыли в небо.

Как только они оказались в воздухе, туфли под ногами Чанькуня Чжуоюя превратились в белый туман, плотный и упругий, как облако, способное держать вес. Этот туман окутал их, образуя платформу, и их скорость возросла во много раз, они скользили по небу, как тени среди звёзд.

Ли Синлунь: ...

Теперь он понял. Вот он настоящий секрет Чанькуня Чжуоюя. Не глупые жесты, не бредовые заявления, а это. Его облачение - не просто одежда. Это сокровище высшего порядка, универсальное, живое, способное к атаке, защите, перемещению, даже автоматически защищавшее своего хозяина в Долине Разбитых Душ. Такие артефакты существуют лишь в легендах, принадлежат лишь повелителям сект, древним бессмертным, героям эпохи Божественных войн.

А он... использует его, чтобы делать колпаки из тумана.

Кто же ты, Чанькунь Чжуоюй? И какую роль играл в мире культивации человек, владеющий таким сокровищем?

Теперь Ли Синлунь даже не нуждался в поддержке. Он стоял на тумане устойчиво, как на камне, и не чувствовал ни малейшего ветра, несмотря на головокружительную скорость. За время, пока сгорает одна палочка благовоний, они преодолели тысячи ли и оказались у границы Мяоцзяна.

Чанькунь Чжуоюй выбрал тихое, безлюдное место, чтобы приземлиться. Затем они вошли в маленький городок и направились в чайную, чтобы передохнуть и выпить чаю.

Если нужно узнать что-то о секте Пяти Ядов, то лучшее место для этого была именно чайная. Там собираются люди всех мастей, и новость распространяется быстрее, чем огонь по сухой траве.

Чайная была невелика, но довольно многолюдна. Здесь были люди в традиционных одеждах мяо, с украшениями из костей и металла, а также воины Центральных равнин - с мечами у пояса, говорившие шёпотом, будто боялись, что стены услышат. Ли Синлунь в своём бамбуковом колпаке не выделялся, ведь секта Пяти Ядов не считалась праведной, и было естественно, что многие хотели скрыть лица.

Но Чанькунь Чжуоюй... Его красота была как удар молнии среди туч.

Где в этом мире можно увидеть такое лицо? Даже среди бессмертных, даже в легендах о цветущих садах небес таких черт было не найти. Культиваторы могли хоть немного сопротивляться этому зрелищу, но обычные люди - нет. С момента их появления все взгляды в зале замерли. Женщины забывали дышать, а мужчины теряли мысли. Старуха у входа выронила корзину.

Ли Синлунь: ...

— Эти двое явно бойцы... Наверняка ищут секту Пяти Ядов, — донеслись до него шёпотом слова за соседним столиком.

— Ха! С такой внешностью пришёл отравить кого-нибудь!

— Глупость. Посмотри на его чистые, как источник глаза. Не может он быть плохим человеком.

— Я никогда не видел такой красоты... Говорят, лучше умереть под пионом, чем жить без любви...

Ли Синлунь с каждым словом злился всё больше, но внешне оставался спокоен, будто пьёт чай в собственном доме.

Чанькунь Чжуоюй даже не слышал этих разговоров. Он с детским любопытством осматривал чайную, каждый предмет и посетителя. Всё было для него новым, как будто он первый раз оказался среди людей.

— Господа, какой чай вам подать? — подошёл официант, не отводя пораженных глаз от Чанькуня Чжуоюя.

— Какие у вас сорта?

— Не судите по внешности — гордо выпрямился тот — у нас есть всё, от самых простых до редчайших сортов.

И он принялся перечислять, не переводя дыхания: «Цзюньшань Иньцзэнь», «Би Ло Чунь», «Да Хун Пао», «Лун Цзин» с ценами, происхождением, качеством, пока у Чанькуня Чжуоюя не закружилась голова.

— Ну так... какой выберете? — закончил он с улыбкой.

— Это... — наконец очнулся Чанькунь Чжуоюй, машинально похлопал себя по поясу... и замер. У него не было кошелька. Он даже не носил при себе денег. Повернулся к ученику.

Ли Синлунь тоже был ни с чем. Его атаковали ночью, он едва успел спастись, не взяв с собой ни единой монеты. Даже колпак ему сделал Чанькунь Чжуоюй. Они были абсолютно без гроша.

Наступила неловкая тишина. Люди за столиками замерли, ожидая развития событий.

Тогда Чанькунь Чжуоюй выпрямился, лицо его стало бесстрастным, как у бессмертного, сходящего с небес. Он холодно, с достоинством произнёс:

— Мы странники, далёкие от мирских забот. Подайте нам простую воду.

Официант: ...

Если бы это были другие люди, хозяин давно вышвырнул бы их за дверь. Но перед таким чистым, как лунный свет, величественным, как древний бессмертный лицом, никто не мог произнести ни слова упрёка. Даже гнев казался кошунством. Официант молча кивнул, с видом человека, принесённого в жертву судьбе, и пошёл за водой.

Когда он вернулся, то, вопреки ожиданиям, принёс не простую воду в грубых глиняных чашках, а изящный и тонкой, как крыло бабочки набор фарфоровой посуды, и аккуратно разлил по чашкам свежезаваренный чай, насыщенный, пахнувший цветами весны и дымом горных храмов. В тот же миг воздух наполнился нежным ароматом, будто сама природа раскрыла свой древний сад.

— Хороший чай! — воскликнул старик за соседним столиком, глубоко вдыхая запах, глаза его закрылись от наслаждения. — Да это же Цзюньшань Иньцзэнь! Такой редкий сорт...

Чанькунь Чжуоюй: ...

Даже он, ничего не понимающий в чайной церемонии, почувствовал, что этот напиток стоит дороже, чем вся эта чайная вместе с землёй под ней.

Но прежде чем он успел задать вопрос, из задней комнаты вышел мужчина в зелёном шёлковом халате, с длинными волосами, собранными в узел, и скромно сложил руки:

— Меня зовут Учёный Бай. Мяоцзян - место удалённое, и редко кто приходит сюда с такой... высокой духовной аурой. Прошу, примите этот чай как знак дружбы.

Ах, вот оно что. Бесплатно. Чанькунь Чжуоюй немедленно понял, кивнул с видом императора, принимающего дань, взял чашку, не слишком демонстративно, но с достаточным выражением удовольствия понюхал, чтобы показать, что ценит подарок, и сделал один размеренный глоток.

В этот момент его лицо чуть смягчилось, будто луч солнца коснулся ледника. Он не сказал ни

слова, но каждое движение , поворот запястья, положение пальцев, угол наклона головы , было исполнено такой естественной элегантности, что казалось, будто он родился среди дворцов и садов бессмертных.

И вдруг вся чайная изменилась. Грязные стены стали казаться старинными свитками, трещины в полу - символами Дао, а дешёвые занавески - парчовыми знамёнами древних мастеров. Люди вокруг почувствовали себя ничтожными, как муравьи под ногой великана. Никто не осмеливался смотреть прямо. Каждый взгляд опускался, будто под тяжестью небес.

Ли Синлунь: ...

Он лишь ненароком попросил Чанькуня Чжуоюя меньше говорить, меньше улыбаться и сохранять достоинство. Но он не ожидал, что тот воплотит идеал так безупречно. Теперь он действительно выглядел как истинный мастер, но не потому что кричит о своей силе, а потому что воздух вокруг него меняется, когда он просто пьёт чай.

Каждое движение Чанькуня Чжуоюя было словно частью танца, невидимого для глаз, но ощутимого сердцем. От одного его присутствия у всех в зале возникла странная духовная жажда, как будто они всю жизнь пили мутную воду и впервые отведали источника чистоты.

Почти одновременно все подняли свои чашки и выпили до дна.

Даже Ли Синлунь сделал глоток ... и почти поверил, что чай действительно вкусный.

Лжец!

Как только последняя капля была выпита, Учёный Бай вдруг изменился. Его мягкое, почти покровительственное выражение исчезло. Он посмотрел на толпу и произнёс одно слово:

— Действительно.

С этим словом все воины, культиваторы, простые люди в зале вдруг обмякли, как тростник под ураганом. Их глаза закатились, тела обвисли на стульях. Они не упали, но потеряли контроль над собой, как марионетки, у которых перерезали нити.

Учёный Бай с гордостью улыбнулся:

— Обычно я не склонен к таким... порывам чувств, Но, увидев вас сегодня, я не смог сдержаться. Надеюсь, вы не будете сердиться.

[Запуск счётчика «Неудачливый воздыхатель»: #1]

Чанькунь Чжуоюй смотрел широко раскрытыми глазами, как вокруг него падают люди, а он сам остаётся невредим, не почувствовав ни малейшего воздействия. Он был искренне озадачен.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, глядя на Учёного Бая с детской наивностью. — Почему они упали, а я нет?

Улыбка Учёного Бая замерзла, как лёд на поверхности пруда.

— Почему... ты не упал?

В этот момент Ли Синлунь, который уже несколько секунд притворялся потерявшим сознание, больше не мог сдерживаться. Он резко хлопнул ладонью по столу, дорогая чашка разлетелась на осколки, и один из них, как метательный клинок, вонзился в стену, оставив глубокую борозду.

Он схватил острый обломок, и в следующее мгновение уже стоял у горла Учёного Бая, прижав к нему фарфоровый кусок с такой силой, что по коже потекла тонкая струйка крови.

— Как ты смеешь его трогать?! — прорычал он, голос его дрожал от ярости. — У тебя хватает наглости использовать против него свои грязные трюки?!

Он чувствовал, как гнев пожирает его изнутри, как пламя, готовое сжечь всё. И в эту секунду он не мог сказать была ли его вспышка частью игры, необходимой защитой, или...или это был крик чего-то настоящего, глубокого, того, что нельзя назвать, но что рвалось наружу каждый раз, когда кто-то пытался прикоснуться к тому, кто теперь шёл рядом с ним.

Было ли это ревностью? Защитой? Привязанностью, зародившейся среди боли и безумия?

Он не знал. Но в этот момент он был готов убить ради этого человека, даже если весь мир назовёт его глупцом.

<http://bllate.org/book/14629/1297985>